

Н.А. Лекин

В гостях у турок

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.А. Лекин**
В гостях у турок / Н.А. Лекин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 586 с.

ISBN 978-5-517-83330-3

В гостях у турок.

ISBN 978-5-517-83330-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВЪ ГОСТЯХЪ У ТУРОКЪ.

I.

СКОРЫЙ поѣздъ только что вышелъ изъ-подъ обширнаго, крытаго стекломъ, желѣзнодорожнаго двора въ Буда-Пештѣ и понесся на югъ, къ сербской границѣ.

Въ вагонѣ перваго класса, въ отдѣльномъ купѣ, изрядно уже засоренномъ спичками, окурками папирсъ и апельсинными корками, сидѣли не старый еще, довольно полный мужчина съ русой подстриженной бородой и молодая женщина, недурная собой, съ красивымъ еще бюстомъ, но тоже ужъ начиняющая рыхлѣть и раздаваться въ ширину. Мужчина одѣтъ въ сѣрую пиджачную парочку съ дорожной сумкой черезъ плечо и въ черной барашковой скуфейкѣ на головѣ, дама въ шерстяномъ верблюжьяго цвѣта платьѣ съ необычайными бѣфами на рукавахъ и въ фетровой шляпкѣ съ стоячими крылышками какихъ-то пчужекъ. Они сидѣли одни въ купѣ, сидѣли другъ противъ друга на диванахъ и оба

пмѣли на диванахъ по пуховой подушкѣ въ бѣлыхъ наволочкахъ. По этимъ подушкамъ, каждый, хоть разъ побывавшій за границей, сейчасъ-бы сказалъ, что это русскіе, ибо за границей никто, кромѣ русскихъ, въ путешествіе съ пуховыми подушками не ѣздитъ. Что мужчина и дама русскіе, можно было догадаться и по барашковой скuffейкѣ на головѣ у мужчины и, наконецъ, по металлическому эмалированному чайнику, стоявшему на приподнятомъ столкѣ у вагоннаго окна. Изъ подъ крышки и изъ носика чайника выходили легонькія струйки пара. Въ Буда-Пештѣ въ желѣзнодорожномъ буфетѣ они только что заварили въ чайникѣ себѣ чаю.

И въ самомъ дѣлѣ, мужчина и дама были русскіе. Это были наши старые знакомцы супруги Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна Ивановы, уже третій разъ выѣхавшіе за границу и на этотъ разъ направляющіеся въ Константинополь, давъ себѣ слово посѣтить попутно и сербскій Бѣлградъ, и болгарскую Софію.

Сначала супруги Ивановы молчали. Николай Ивановичъ ковырялъ у себя въ зубахъ перышкомъ и смотрѣлъ въ окно на разстплающіяся передъ нимъ, лишенныя уже снѣга, тщательно вспаханныя и разбороненныя, гладкія, какъ билліардъ, поля, съ начинающими уже зеленѣть полосами озимаго посѣва. Глафира-же Семеновна выпула изъ сакъ-воляжа маленькую серебряную коробочку, открыла ее, взяла оттуда пудровку и пудрила свое раскраснѣвшееся

лицо, смотрясь въ зеркальце, вдѣланное въ крышечкѣ, и наконецъ произнесла:

— И зачѣмъ только ты меня этимъ венгерскимъ виномъ поилъ! Лицо такъ и пышетъ съ него.

— Нельзя-же, матушка, быть въ Венгрии и не выпить венгерскаго вина!—отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—А то дома спросить кто-нибудь—пили-ли венгерское, когда черезъ цыганское царство проѣзжали?—и что мы отвѣтимъ! Я нарочно даже паприки этой самой поѣлъ съ кlobсомъ. Кlobсъ, кlobсъ... Вотъ у насъ кlobсъ—просто бифштексикъ съ луковымъ соусомъ и сметаной, а здѣсь кlobсъ—зрара, рубленая зрара.

— Во-первыхъ, у насъ бифштексика съ лукомъ и картофельнымъ соусомъ называются не просто влобсъ, а шнель-кlobсъ,—возразила Глафира Семеновна.—А во-вторыхъ...

— Да будто это не все равно!

— Нѣтъ, не все равно... Шнель по-нѣмецки значитъ—скоро, па скору руку.... А если кlobсъ безъ шнель...

— Ну, ужъ ты любишь спорить!—махнулъ рукой Николай Ивановичъ и сейчасъ-же переимѣнилъ разговоръ.—А все-таки въ этомъ венгерскомъ царствѣ хорошо кормятъ. Смотри-ка, какъ хорошо насъ кормили на станціи Буда-Пештъ! И какой шикарный ресторанъ. Молодцы цыгане.

— Да будто тутъ все цыгане?—усумнилась Глафира Семеновна.

— Венгерцы- это цыгане. Ты вѣдь слышала, какъ

они разговариваютъ: кухар... гахачь... кр... гр... тр... горломъ. Точь въ точь какъ наши халдеи по разнымъ загороднымъ вертепамъ. И глазищи у нихъ съ блюдечко, и лица черпомазыя.

— Врешь, врешь! По станціямъ мы много и бѣлокурыхъ видѣли.

— Такъ вѣдь и у насъ въ цыганскихъ хорахъ есть не черномазья цыганки. Вдругъ какая-нибудь родится не въ мать, не въ отца, а въ проѣзжаго молодца, такъ что съ ней подѣлаешь! И наконецъ, мы только еще что въѣхали въ цыганское царство. Погоди, чѣмъ дальше, тѣмъ все черномазѣ будутъ,— авторитетно сказалъ Николай Ивановичъ, пошевелилъ губами и прибавилъ: — Однако, ротъ такъ и жжетъ съ этой наприки.

Глафира Семеновна покачала головой.

— И охота тебѣ ѣсть всякую дрянь!—сказала она.

— Какая-же это дрянь! Растеніе, овощъ... Не сидѣть-же повсюду, какъ ты, только на бульонѣ, да на бѣштексѣ. Я поѣхалъ путешествовать, образованіе себѣ сдѣлать, чтобы не быть дикимъ человѣкомъ и все знать. Нарочно въ незнакомыя государства и ѣдемъ, чтобы со всеми ихними статьями ознакомиться. Теперь мы въ Венгрію и—что есть венгерскаго, то и подавай.

— Однако, фишзупе потребовалъ въ буфетѣ, а самъ не ѣлъ.

— А все-таки попробовалъ. Попробовалъ и знаю, что ихній фишзупе—дрянь. Фишзупе—рыбный супъ.

Я и думалъ, что это что-нибудь вродѣ нашей ухи или селянки, потому у венгерцевъ большая рѣка Дунай подѣ бокомъ, такъ думалъ, что и рыбы всякой много, анъ выходитъ совсѣмъ напротивъ. По моему, этотъ супъ изъ сельдяныхъ головъ, а то такъ изъ рыбныхъ головъ и хвостовъ. У меня въ тарелкѣ какія-то жабы плавали. Солоно, перечно... кисло... — вспоминалъ Николай Ивановичъ, поморщился и, доставъ изъ угла на диванѣ стаканъ, сталъ наливать себѣ въ него изъ чайника чаю.

— Бр... — издала звукъ губами Глафира Семеновна, судорожно повела плечами и прибавила: — Погоди... накормятъ тебя еще какимъ-нибудь крокодиломъ, ежели будешь спрашивать разныя незнакомыя блюда.

— Ну, и что-жь?... Очень радъ буду. По крайности, въ Петербургѣ всѣмъ буду рассказывать, что крокодила ѣлъ. И всѣ будутъ звать, что я такой образованный человѣкъ безъ предразсудковъ, что даже до крокодила въ ѣдѣ дошелъ.

— Фи! Замолчи! Замолчи, пожалуйста! — замахала руками Глафира Семеновна. — Не могу я даже слушать... Претить...

— Черепаху-же въ Марсели ѣлъ, когда третьяго года изъ Парижа въ Ниццу ѣздили. Лягушку подѣ бѣлымъ соусомъ въ Санъ-Ремо ѣлъ. При тебѣ-же ѣлъ.

— Брось, тебѣ говорятъ!

— Ракушку въ Венеціи проглотилъ изъ розовой раковинки, — хвастался Николай Ивановичъ.

— Если ты не замолчишь, я уйду въ уборную

и тамъ буду сидѣть! Не могу я слышать такіа мерзости.

Николай Ивановичъ умолкъ и прихлебываль чай изъ стакача. Глафира Семеновна продолжала:

— И наконецъ, если ты ѣлъ такую гадость, то потому что былъ всякій разъ пьянъ, а будь ты трезвъ, ни за что-бы тебя на это не хватило.

— Въ Венеціи-то я былъ пьянъ?—воскликнулъ Николай Ивановичъ и поперхнулся чаемъ.—Въ Санъ-Ремо—да... Когда я въ Санъ-Ремо лягушку ѣлъ—я былъ пьянъ. А въ Венеціи...

Глафира Семеновна вскочила съ дивана.

— Николай Ивановичъ, я ухожу въ уборную! Если ты еще разъ упомянешь про эту гадость, я ухожу. Ты очень хорошо знаешь, что я про нее слышать не могу!

— Ну, молчу, молчу. Садись,—сказаль Николай Ивановичъ, поставиль пустой стаканъ на столикъ и сталъ закуривать папирску.

— Брр...—еще разъ содрогнулась плечами Глафира Семеновна, сѣла, взяла апельсинъ и стала очищать его отъ кожи.—Хоть апельсиномъ заѣсть, что-ли,—прибавила она и продолжала:—И я тебѣ больше скажу. Ты вотъ упрекаешь меня, что я за границей въ ресторанахъ ничего не ѣмъ, кромѣ бульона и бифштекса... А когда мы къ туркамъ приѣдемъ, то я и бифштекса съ бульономъ ѣсть не буду.

— То есть какъ это? Отчего?—удивилса Николай Ивановичъ.

— Очень просто. Отъ того, что турки магометане, лошадей ѣдятъ и могутъ мнѣ бифштексъ изъ лошадиного мяса пзжарить, да и бульопъ у нихъ можетъ быть изъ лошадиныи.

— Фю-фю! Вотъ тебѣ и здравствуй! Такъ чѣмъ-же ты будешь въ турецкой землѣ питаться? Вѣдь ужъ у турокъ ветчины не найдешь. Она имъ прямо по ихъ вѣрѣ запрещена.

— Вегетаріанкой сдѣлаюсь. Буду ѣсть макароны, овощи—горошекъ, бобы, картофель. Хлѣбомъ съ чаемъ буду питаться.

— Да что ты, матушка!—проговорилъ Николай Ивановичъ.—Вѣдь мы въ Константинополѣ остановимся въ какой-нибудь европейской гостинницѣ. Петръ Петровичъ былъ въ Константинополѣ и рассказывалъ, что тамъ есть отличныя гостинницы, которыя французы держатъ.

— Гостинницы-то можетъ быть и держатъ французы, да повара-то турки... Нѣтъ, нѣтъ, я ужъ это такъ рѣшила.

— Да неужели ты лошадиного мяса отъ бычьяго не отличишь!

— Однако, вѣдь его все-таки надо въ ротъ взять, пожевать... Тьфу! Нѣтъ, нѣтъ, это ужъ я такъ рѣшила и ты меня отъ этого не отговоришь,—твердо сказала Глафира Семеновна.

— Ну, путешественница! Да изволь, я за тебя буду пробовать мясо,—предложилъ Николай Ивановичъ.

— Ты? Да ты нарочно постараяешься меня на-

Въ гостяхъ у турокъ.

кормить лошадиной. Я тебя знаю. Ты озорникъ.

— Вотъ певѣроятная-то женщина! Чѣмъ-же это я доказалъ, что я озорникъ?

— Молчи, пожалуйста. Я тебя знаю вдоль и поперекъ.

Николай Ивановичъ развелъ руками и обидчиво поклонился женѣ.

— Изучены насквозь. Помню я, какъ вы въ Неаполѣ радовались, когда я за табльдотомъ съѣла по ошибкѣ мулъ—этихъ проклятыхъ улитокъ, принявъ ихъ за сморчки,—кинула ему жена.—Вы должны помнить, что со мной тогда было. Однако, сниму-ка я съ себя корсетъ да прилягу,—прибавила она.—Кондуктору данъ гульденъ въ Вѣнѣ, чтобы никого къ намъ не пускалъ въ купэ, стало быть нечего мнѣ на вытяжкѣ-то быть.

— Да конечно-же сними этотъ свой хомутъ и всѣ подпруги,—поддакнулъ Николай Ивановичъ.— Не передъ кѣмъ здѣсь кокетничать.

— Да вѣдь все думается, что не ворвался-бы кто-нибудь.

— Нѣтъ, нѣтъ. Ужъ ежели взялъ гульденъ, то никого не впустишь. И наконецъ, до сихъ-же поръ онъ держалъ свое слово и никого не впустилъ къ намъ.

Глафира Семеновна разстегнула лифъ и сняла съ себя корсетъ, положивъ его подъ подушку. Но только что она улеглась на диванъ, какъ дверь изъ корридора отворилась и показался въ купэ кондукторъ со щипцами.

— Ich habe die Ehre...—произнесъ онъ привѣтствіе.—Ihre Fahrkartren, mein Herr...

Николай Ивановичъ взглянулъ на него и проговорилъ:

— Глаша! Да вѣдь кондукторъ-то новый! Тотъ ужъ кондукторъ.

— Нови, нови...—улыбнулся кондукторъ, простригая билеты.

— Говорите по-русски?—радостно спросилъ его Николай Ивановичъ.

— Мало, господине.

— Братъ-славянинъ?

— Славяне, господине,—поклонился кондукторъ и проговорилъ по-нѣмецки:—Можетъ быть русскіе господа хотятъ, чтобы они одни были въ купэ?

Въ поясненіе своихъ словъ онъ показалъ супругамъ свои два пальца.

— Да, да...—кивнулъ ему Николай Ивановичъ.—Ихъ гебе... Глаша! Придется и этому дать, а то онъ пассажировъ въ ваше купэ напуститъ. Тотъ кондукторъ, подлець, въ Буда-Пештѣ остался.

— Конечно-же, дай... Намъ ночь ночевать въ вагонѣ,—послышалось отъ Глафиры Семеновны.—Но не давай сейчасъ, а потомъ, иначе и этотъ прыгнетъ на какой-нибудь станціи и придется третьему давать.

— Я дамъ гульденъ!.. Ихъ гебе гульденъ, но потомъ...—сказалъ Николай Ивановичъ.

— Нахеръ... Нахеръ...—прибавила Глафира Семеновна.

Кондукторъ, очевидно, не вѣрилъ, бормоталъ что-то по-нѣмецки, по-славянски, улыбался и держалъ руку пригоршней.

— Не вѣрить. Ахъ, братъ-славянинъ! За кого-же ты насъ считаешь! А мы васъ еще освобождали! Ну, ладно, ладно. Вотъ тебѣ поль-гульдена. А остальные потомъ, въ Бѣлградѣ... Мы въ Бѣлградѣ теперь ѣдемъ,—говорилъ ему Николай Иваповичъ, досталъ изъ кошелька мелочь и подалъ ему.

Кондукторъ подбросилъ на ладонѣ мелочь и развелъ руками.

— Мало, господине... Молимъ една гульденъ,—произнесъ онъ.

— Да дай ты ему гульденъ! Пусть провалится. Должны-же мы на ночь покой себѣ имѣть!—крикнула Глафира Семеновна мужу.

Николай Иваповичъ сгребъ съ ладони кондуктора мелочь, подалъ ему гульденъ и сказалъ:

— На, подавись, братушка...

Кондукторъ поклонился и, запирая дверь въ купэ, проговорилъ:

— Съ Богомъ, господине.